

Поэт и его ценности

Отношение между поэтом и ценностями, заключенными в его творениях, рассматривал еще Пушкин. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» – сказано не только о том, что поэт имеет две души, ведет две жизни. Точнее сказать, это только верхний слой, простейший смысл стихотворения. Каково отношение поэта к собственным ценностям? Это отношение (отвечает Пушкин) есть *постоянная измена*. Иначе сказать нельзя.

Впрочем, есть ли вообще какие-то «ценности» в поэзии? Не состоит ли поэзия в родстве с *умением красиво свистать* и другими столь же бесполезными искусствами, служащими внешнему украшению нашей жизни, а иногда – только лишь развлечению? И что такое вообще эти «ценности»?

Вопросы это совершенно оправданные. Многие понятия в наше время выцвели до полной неразличимости, так что их нужно постигать и объяснять другим заново. «Творчество» и «ценности» – из этого ряда выцветших понятий. Попробуем же вернуть им цвет.

Творчество – для нашего времени настоящая загадка. Материализм видел в нем болезнь, отражение борьбы классов и переживаний пола... Столько объяснений, и все неубедительные. (Не в последнюю очередь потому, что материализм и творчество, материализм и вдохновение вообще не живут вместе; всё *аналитическое рукоделие* разума имеет разрушающий, разнимающий характер, то есть по своему «образу действий» прямо противоположно поэзии, искусству и вдохновению.) Верное понимание творчества недоступно тому, кто холодно наблюдает его извне, а именно такие наблюдатели судили о нем в последнее время.

Что же видит тот, кто судит о творчестве, наблюдая его «изнутри»?

Он видит, что творчество – крепкий якорь, твердая основа, центр равновесия душевной жизни. Оно не просто «дает выход переживаниям», его действие – не просто волшебство слова, верного имени для предмета, знание которого дает над этим предметом власть (хотя и это в нем есть). Творчество есть необходимая часть душевной жизни, отсутствие которой – признак недостаточного развития или болезни. Материалистическое понимание душевной жизни как потока клочков и обрывков, несомых ветром впечатлений, не дает объяснения творчеству. Материалист видит в нем прихоть, а не необходимость. На самом деле, творить *необходимо* душе, как переваривать пищу необходимо телу, с той разницей, что душевная жизнь *из более простого производит более сложное*, в отличие от жизни телесной. Душа нуждается, остро нуждается в том, чтобы, приняв простое, обратить его в более сложное; иначе она сморщивается и болеет. Душа, которая, приняв простое, производит еще более простое, – душа больная.

Художественный свист есть прихоть, творчество – необходимость, причем не только для творящей души, но и для общества, в которое она помещена. *Художник* (в самом широком смысле этого слова, охватывающем и поэта, и пророка) *снабжает свое общество ценностями* – так можно выразить смысл его трудов. Простые впечатления он претворяет в смыслы или ценности – дело, без которого поток жизненных событий, сладких или страшных, так и останется потоком, но никогда не станет Жизнью. Наши дни – тут я отступлю в сторону – поклоняются фактам, потоку событий, не понимая того, что поток событий без оценивающей и судящей личности – то же самое, что предметы без падающего на них света.

Личность в наши дни падает сквозь время, испытывая – попеременно или одновременно – судорогу сладострастия или ужаса, и нисколько не пытаясь защитить собственное существование перед напором пресловутых «фактов». Она нуждается в твердых ценностях, как мореплаватель в неподвижных звездах, но приучена думать, что «ценностей» или нет, или обращаться за ними нужно всё к тем же «реальным фактам»... Я бы сказал, что это наивно, если бы это не было смертельно опасно.

Что такое ценности, наша эпоха также давно забыла. Мера этого забвения – требование «критического обсуждения», без которого не может быть принято и самое малое. За одобрением ценностей идут к разу-

му – к той самой силе разрушения, которая из всякого сложного делает простое. Однако действие разума на вещи известно – он разрушает всё, к чему ни прикоснется.

Ценность, в первую очередь, есть *нерасторжимое единство*, в котором нечего «критически обсуждать», и которое можно только вполне принять или вполне отвергнуть. «Критическому разуму» нечего сказать о ценностях, п. ч. все они, кроме самых низменных, не имеют разумного происхождения. Даже если разум в борьбе со старыми ценностями объявляет новые – и эти «новые ценности» так же произвольны и внеразумны, как предыдущие. Ни одна ценность, это надо подчеркнуть, не может ответить на вопрос: «Почему?» Если поклонники «критического мышления» думают, что есть некий предел, за которым начинаются ценности «положительные», «подтверждаемые разумом», одним словом – доказуемые, то они ошибаются: *таких* ценностей в природе нет.

На пути творчества мы *вынуждены* из потока простых событий извлекать сложные представления, создавая тем самым культуру (начиная с ее первоисточника – религии), и мы не можем остановиться, если не желаем разрушения собственной душе. Вдохновенный поэт – искатель истин, человек, который зажигает огонь на высокой башне, но, не в силах жить постоянно в свете этого огня, уходит в темноту и горько жалеет о своей неспособности жить в свете. Поэтический дар сопряжен с постоянными изменами скрытой в поэзии Истине. Поэт – не святой; его художественное чутье достаточно сильно для того, чтобы узнать истину, но не для того, чтобы ей следовать; он, если так можно выразиться, *любит свет, скитаясь во тьме*.

Но неужели всякий поэт – действительно «производитель ценностей»? Конечно, нет. У творчества есть свои ступени. Художественное чутье ведет творца всё выше – или всё глубже? – и рано или поздно он достигает необходимой внутренней ясности и глубины, достигает – но не может их сохранить. В действительности, поэзия начинается не с этого и не обязательно к этому ведет. Поэт, как и всякий человек, вовсе не обязательно идет *вперед и вверх*. Его отвлекает множество вещей: заботы, желание успеха и сам успех; его стремление к ясности и чистоте – если уж оно проявилось – соперничает с жадной полноты жизни, самоистребляющей жаждой... Но всё же путь настоящего поэта – путь мудрости, если даже он и не в силах удержаться на этом пути. Может показаться, что я рисую образ Пушкина – истинного Пушкина, а не того, какой известен школьнику и Писареву. Но Пушкин – только великий пример, образец, но не исключение.

Поэт находит ценности *и уходит от них*, и снова возвращается, и опять уходит. Отношение его к собственным ценностям есть постоянная измена. Но не будь этой цепи измен, мы бы многого о себе не знали. Хотя поэт и не всегда пророк, и почти всегда не святой, он знает настоящее откровение, хотя говорит оно чаще всего не о божественном, а о человеческом. Истины поэта суть истины о человеке, и чем глубже поэт, тем ярче на них отблеск божественного. Поэт не заменит нам пророка, не научит нас искать Бога, но расскажет о том, как сам искал Его, и без конца терял, и снова искал...

Поэт – изменник. Всякая по-настоящему пленительная поэзия есть нескончаемая цепь измен.